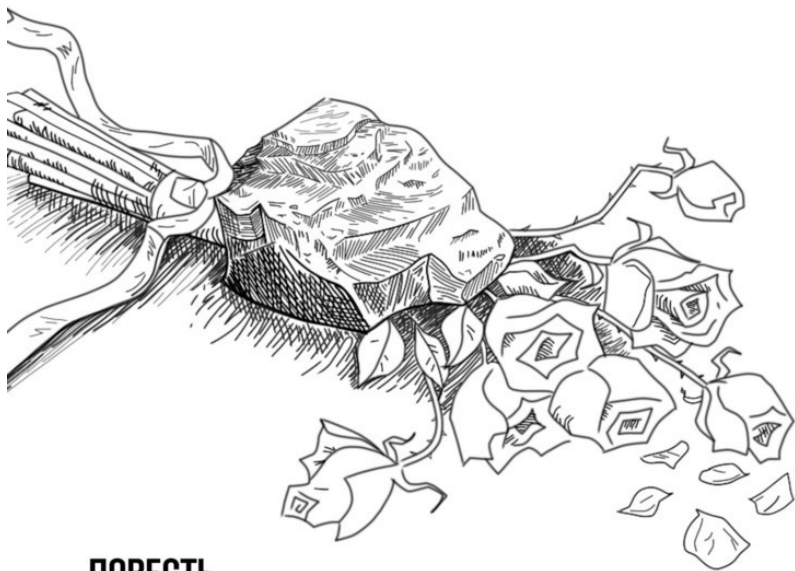

Владимир Шевелев

КАМЕНЬ

ПОВЕСТЬ

Владимир Шевелев

Камень. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54847850

ISBN 9785449875471

Аннотация

Что, если бы вам предложили испортить чужую свадьбу? Не за деньги, разумеется, а по старой дружбе. Что бы вы ответили? А если бы вы согласились, то что именно бы предприняли? Как далеко бы зашли? И где вообще находится граница того, что для вас допустимо? Повесть «Камень» – история о том, как обычный парень ответил на такие вопросы и что из всего этого вышло.

Содержание

I	5
II	15
III	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Камень

Повесть

Владимир Шевелев

© Владимир Шевелев, 2020

ISBN 978-5-4498-7547-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВНИМАНИЕ!

Все события и персонажи являются плодом фантазии автора.

Любое сходство с реальностью случайно.

I

Я по привычке насторожился, когда увидел на экране незнакомый номер. Лёгкая форма мании преследования – обычное дело в наши дни. Однако, услышав в трубке знакомый голос, искренне обрадовался, чего со мной не приключалось долгое время. Жизнь, увы, разучилась преподносить мне приятные сюрпризы.

– Привет, Валь! Это Мирон. Помнишь ещё меня?

Вот чертяка! Разве мог я забыть? Я почувствовал, как по ту сторону смартфона загорелась его фирменная улыбка, наглая и ехидная. Мирон умудрился сыграть в моей жизни важную роль, ничего особенного не сделал. Он не вытащил меня из водной пучины, не вынес на руках из горящего дома и даже не простил крупный долг.

Мы познакомились с Мироном во время беззаботной студенческой поездки на море. Несмотря на то, что наш университет располагался в мрачном здании, тосковавшем по свежей краске и социализму, деканат щедро раздавал путёвки на юг «за особые успехи в учёбе». На самом деле их предоставляли всем, кто не поленился вступить в профсоюз студентов и написать заявление. В общем, я так и не понял, чем, кроме одаривания путёвками, занимался этот мифический профсоюз.

Мирон перешёл на пятый курс и нам, едва окончившим

второй, казался умудрённым опытом, самоуверенным мужчиной. Рано сформировавшиеся залысины, ярко блестящие на солнце, добавляли ему авторитета в неискущённых глазах. До сих пор недоумеваю: чем ему приглянулось жалкое сборище заучек и зачем он решил сыграть роль мудрого дядьки?

До случайной встречи с Мироном в бильярдной комнате наша компания, состоявшая из трёх ботаников и широкоплечего дуболома Пети, занималась обычными для студенческого отдыха делами: мы неумело пили, церемониально ходили на пляж, грязно шутили про однокурсниц и в то же время жутко робели в их присутствии. Краснели и смущались мы самозабвенно, часто теряя дар речи, а вместе с ним и крупницы самоуважения. Нас разрывало внутреннее противоречие: хотелось обратить на себя внимание и одновременно подальше от него спрятаться.

Проблемы в общении с противоположным полом, разумеется, не касались Пети, нашедшего себе пару в первый же вечер. Мы присутствовали при этом событии, но так и не поняли, как именно широкоплечий балбес осуществил наши сокровенные мечты. Сам Петя ничего объяснить не мог, а только пожимал плечами: «Как-то само собой получилось». Мы решили, что всё дело в росте и исполинской фигуре, а не в обаянии, но молниеносный успех недалёкого приятеля уязвил сердца ботаников. Та лёгкость, с какой Петя добился благосклонности, вызывала тошнотворную зависть.

Мне пришлось в очередной раз убедиться в собственной ущербности. С отвращением глядя в зеркало, я видел тощего очкарика среднего роста с копной светло-русых волос и тремя продольными морщинами на лбу. Лиловые тени под глазами напоминали синяки. На правой щеке, ближе к уху, торчала крупная родинка, по форме напоминавшая треугольник, пытаясь скрыть которую я обычно наклонял голову, что придавало облику некую карикатурность. Моя самооценка вновь достигла нуля, покрылась льдом и не подавала признаков жизни.

К слову сказать, курортный роман простодушного, но туповатого Пети долго не продлился. Избранница его сердца, рыжеволосая лингвистка со второго курса, жестоко обгорела на пляже и провалялась оставшиеся дни с высокой температурой в номере. Дотрагиваться до пунцовой кожи, покрытой жирным слоем мази, и сидеть с ней в четырёх стенах Пете не хотелось, и, недолго думая, он счёл её недостойной и хладнокровно прервал отношения.

На второй вечер отдыха у нас были грандиозные планы: сыграть в бильярд, напиться приторного домашнего вина до состояния сакральной пустоты, потрепаться о девчонках и Большом взрыве и мертвецки уснуть под утро. Но благодаря знакомству с Мироном вечер прошёл не столь банально.

Обсуждая правила игры в американку, мы ввалились в тесную комнату, вмещающую один бильярдный стол, и обнаружили там щеголеватого Мирона в окружении двух дев-

чонок. Он обучал азам игры нарумяненную брюнетку с оголённым пупком. Рядом стояла круглолицая девушка в лёгком полосатом платье. Она старательно натирала кий мелом и терпеливо ждала своей очереди. Мы в нерешительности замерли, придумывая приемлемый повод для того, чтобы тихо удалиться. Унизительные отступления, как правило, требуют удобоваримого объяснения.

Мирон отвлёкся, испытующе просверлил нас взглядом и внезапно предложил сыграть пару партий. С того момента и до конца поездки мы смотрели на него как на древнегреческого бога и следовали по пятам. Он был старше, выше, отлично выглядел и блистал обаянием. Но главное – рядом с ним крутились две подружки неземной, как тогда казалось, красоты, что свидетельствовало о выдающихся личных качествах Мирона.

Помню, как он спросил: «А ночью что будете делать?» Здоровяк Петя простодушно ответил: «Пить». Мирон рассмехался, потёр кулаком раздвоенный подбородок и предложил сходить в ночной клуб на побережье, где, по его словам, каждый день отжигали самарские студентки. Говорил он непринуждённо, по-свойски, будто не понимал, что стоят перед ним, разинув рты, ботаники, а не хулиганы. Мы не имели никакого права отказываться от столь заманчивого предложения.

Опьянённые чувством свободы и дешёвым пойлом, мы отправились навстречу новому мироощущению под предво-

дительством Мирона. Чуть поодаль брели спутницы нашего вождя, вызывая искреннее восхищение. Настроение было великолепное. Что-то притягательное украдкой поглядывало на нас из будущего и готовилось к встрече. От радостного предвкушения меня охватил озноб, а в груди было тесно от волнения. Новенькие белые кроссовки утопали в песке, но мне казалось, что я лечу вдоль побережья. В нос бил солёный запах моря, дул свежий ветер, а плоская луна немного двоилась в глазах.

Ночной клуб «Ракушка», окружённый со всех сторон пустынным пляжем, представлял собой одноэтажное здание с неоновой вывеской. Из недр заведения доносилась громкая музыка, грубо нарушавшая покой волн, шипевших в ответ. Судя по стойкой вони, усиливавшейся по мере приближения к заведению, посетители не стеснялись использовать пляж в качестве общественного туалета. Внутри нас ожидал пустой танцпол и скромный бар, где за липкой стойкой скучал одутловатый парень с татуировкой скорпиона на шее. Кривые пластмассовые столики, пёстрые от бурых пятен, были разбросаны вдоль стен. В углу сидел босоногий бродяга с испитым лицом и, запрокинув лохматую голову, со свистом храпел. Обещанных Миронем студенток мы не обнаружили.

– Пока здесь тухло, ребят, – сказал Мирон и заказал на всех выпивку. – Но девчонки скоро придут, они всегда к часу подходят.

Мы прильнули к стойке. Сонный бармен нехотя накол-

довал нам шеренгу коктейлей «Б-52», поджёт мутную жидкость и попросил немедленно заплатить. Я залпом влил в себя сладкое тепло и почувствовал, как клуб вместе с барной стойкой резко качнулся и почти достал пола, но вскоре, как неваляшка, вернулся на место.

Как и предполагал Мирон, чуть позже на огонёк заглянули те самые девчонки. Они, несомненно, переборщили с тональным кремом и коньяком, но зато были смешливы и, похоже, доступны. Мирон успевал давать советы, содержание которых стёр из памяти алкоголь. Но судя по тому, как охотно девчонки с лоснящимися лицами откликались на внимание с нашей стороны, слова предводителя обладали большой ценностью.

Всё было хорошо до тех пор, пока местные парни, невесть откуда взявшиеся, не решили выплеснуть на нас агрессию, накопившуюся за нетуристический сезон. Они нагрянули многочисленной бандой и молча встали стеной у входа. Не сумев быстро придумать повод для драки, они приступили к делу, не проработав теоретической базы претензий. Несмотря на численное превосходство, агрессорам не удалось избить нас по двум причинам. Во-первых, некоторые злодеи были настолько пьяны, что с трудом стояли на ногах. Это лишило их ловкости. Во-вторых, в наших рядах неистовствовал Петя, гренадер с навыками берсерка, да и Мирон проявил навыки кулачного боя. Я же в основном суетился в арьергарде, прикрывая зубы кулаком, но пару шальных уда-

ров всё-таки пропустил. Верхняя губа вспухла и онемела, из десны сочилась кровь. Я неумело сплёвывал её в сторону, подражая киношным мачо, но получалось из рук вон плохо: кровавая слюна то и дело попадала на белоснежные кроссовки. Однако я был счастлив. Это уже немного походило на каникулы мечты.

Оставшиеся дни мы ожидали реваншистской атаки и всё время были начеку, опасливо озираясь по сторонам. В общем-то, причины для мести отсутствовали, но, возможно, агрессоров уязвило то, что поле боя мы покинули с трофейными самарскими девчонками.

Изредка я поглядывал на громадные ручищи Пети и удивлялся. Казалось, что когда Петю проектировали, то случайно навели гигантскую лупу на его кисти и предплечья. Ошибку то ли не заметили, то ли сроки поджимали, но в итоге оставили как есть. Осознание того, что с нами такой силач, заметно успокаивало.

Мирон не упускал случая дать несколько советов о том, как правильно вести себя с девушками. Я с замиранием сердца следил за его словами, полными хитрости и привлекательной беспринципности.

– Запомни, Валь, одна девушка ничем не отличается от другой. Выкинь из головы весь этот мусор о романтической любви, об одной-единственной половинке и тому подобное, – Мирон брезгливо морщился. – Сам посуди, если обещанная половинка может жить где угодно, даже в Азии

или Африке, то почему женятся на однокурсницах, одноклассницах, коллегах? То есть на самом удобном и очевидном варианте. А потом на свадьбе в один голос воют о предначертанной любви.

Рассуждения Мирона подкреплялись знаком качества. Девчонки охотно вешались ему на шею.

– Никогда ни за кем не бегай, никогда никого не добивайся. Хуже ничего нет. Это конец для мужика. Тебе должны нравиться только те, кому нравишься ты сам, а среди них выбирай самых красивых. И ни в коем случае не встречайся только с одной, всегда параллельно мути с несколькими. Всё предельно просто, Валя. Не обожествляй, не делай из них королев. На самом деле, их миллионы. – Мирон широко разводил руками, показывая, как много в мире женщин. – Миллионы!

Его идеи завораживали практичностью. Метод Мирона был прост до неприличия, но, судя по всему, крайне эффективен для преодоления робости. Как раз мой случай.

За какие-то семь дней моя хилая самооценка окрепла, возмужала и обзавелась рельефным прессом. Цинизм Мирона стал для меня горькой пилюлей, настоящим лекарством. Советы нового друга вселили в меня уверенность в общении со слабым полом. Они бодрили лучше любого энергетика, но потреблять такие идеи следовало с осторожностью, в гомеопатических дозах. Я быстро понял, что с мачизмом лучше не перебарщивать: времена ковбоев давно миновали. Те-

перь женщины тоже могут поставить на уши любой салун. Мирон же решил, что я размяк, и после окончания университета наши пути разошлись.

Когда Мирон где-то раздобыл мой номер и позвонил, я не поверил своим ушам. Его голос и своеобразная, немного назидательная, манера говорить казались частью далёкого прошлого. И вдруг Мирон вынырнул из пучины времени и как ни в чём не бывало предложил сходить в кабак. При этом говорил он столь непринуждённо, будто мы только вчера вернулись с моря и в сентябре вновь пожмём друг другу руки в коридорах университета. Но ведь прошло уже целых семь лет! Поневоле задерёшь брови от удивления.

Привычка во всём искать подвох превратилась в потребность проигрывать в уме будущие события. Почему Мирон про меня вспомнил? Столько лет не виделись, и вдруг – «пойдём в пивную». К тому же в понедельник. Он что, не работает? Каким он теперь стал, есть ли в нём ещё хоть что-то от прежнего Мирона? Да что там Мирон... Осталось ли во мне ещё хоть что-то, кроме имени и биографии, от того робкого студента с шаблонными мечтами? Вопросы множились, а тревога, как обычно, росла.

В конце концов я пересилил себя. Мирон вызывал у меня исключительно приятные воспоминания, другие же способы скоротать вечер наводили скуку. Даже любимое хобби – сочинение «коротышей», очень коротких рассказов, застопорилось. После последнего, про Чехова, в голову ничего

не шло.

Коротыш №81. Чехов

– Ребята, умоляю, прочтите мой рассказ и оцените. Только прошу – будьте откровенны и честно скажите, что думаете. Критика приветствуется.

– Прочёл. Рассказ, честно говоря, слабоват...

– А ты кто такой вообще? Чехов, что ли?

Несколько дней я таращился в монитор. Когда медитация на мигающий курсор надоедала, с облегчением открывал какую-нибудь книгу. Целую неделю мне было нечем обновить блог с коротышами собственного сочинения. От недостатка лайков меня уже слегка потряхивало.

Конечно, можно было провести вечер с Алиной. Побывать наедине со своей девушкой – чем не естественное желание? Однако перспектива несколько часов глядеть на обиженное лицо и беседовать о проблемах в отношениях вызвала отвращение. В этом всепоглощающем раздражении, словно в море, тонула физиологическая потребность в близости. Да и к чему тратить время на обсуждение того, как склеить разбитую чашку, когда можно просто взять с полки другую?

Вариант Алины я решительно отмёл. Ничего не оставалось, как нырнуть в студенческое прошлое и встретиться с Мироном.

II

Внешне Мирон изменился незначительно, разве что залысины расползлись во все стороны, словно гигантские кляксы, и вечно загорелое лицо немного осунулось. Говорил он всё так же внушительно, делая акцент на каждом слове, будто толковывал прописные истины. Однако куда-то испарилось хладнокровие Мирона, орлиный нос непостижимо съёжился, а чёрные глаза приобрели пепельный оттенок.

Мы сидели в большом полутёмном зале, заставленном дубовыми столами и высокими стульями. Было шумно и многолюдно: даже по понедельникам пивной ресторан заполнялся до отказа. На улицах нестерпимая августовская жара вела охоту на горожан, но не осмеливалась заглянуть в приличное заведение. Звучала немецкая народная музыка, но её заглушали восклицания и смех разгорячённых посетителей. Запах чесночных гренок, солода и жареного мяса разжигал аппетит. Мимо нас протискивались, задевая широкими юбками, запыхавшиеся официантки в клетчатых платьях.

Мирон, зажмурившись от удовольствия, отпил полкружки пива и причмокнул языком. На губах у него весело пузырилась пена, но лицо вдруг приобрело выражение серьёзное и сосредоточенное. Он сказал:

– Помоги мне испортить свадьбу бывшей жены.

Я округлил глаза, но тут же взял себя в руки и попробовал

отшутиться:

– Зачем? Подожди пару лет, и их брак сам собой превратится в пытку.

Мирон ухмыльнулся.

– Ты не понял. Я не хочу сорвать свадьбу. Пусть женятся на здоровье! Я мечтаю испоганить ей праздник, – в глазах у него заплясали кровожадные огоньки, а лицо исказила гримаса ненависти.

На моё счастье, в этот миг пышнотелая официантка, пробираясь в угол зала с подносом, уронила кружку с пивом. Женщина громко ойкнула и зажмурилась, но, ко всеобщему удивлению, кружка не разбилась, а лишь звонко приземлилась на кафельный пол. Прочие официантки бросились помогать неловкой подруге, застывшей с подносом в руках. Пока на наших глазах разыгрывалось небольшое представление из жизни питейного заведения, я напряжённо обдумывал странную просьбу Мирона. Увлёкшись своими мыслями, я вздрогнул, ощутив на себе тяжёлый взгляд.

– Что скажешь, Валь? Поможешь? – он испытующе глядел на меня.

– Подожди, – говорю, – ты меня хотя бы введи в курс дела. Что ты собрался делать?

– Понятия не имею. Знаю только, что свадьба в субботу. Но мы с тобой обязательно что-то придумаем, так ведь?

«Круто, – думаю, – сходил пива попить со старым приятелем. Легко тут не соскочить. Видимо, придётся весь вечер

придумывать отмазки».

Мирон повелительным жестом подозвал официантку и заказал свиную рульку, ассорти колбасок и две литровые кружки пшеничного пива. Затем двумя руками хлопнул себя по щекам, будто пытаясь взбодриться, вздохнул и приступил к рассказу. Подробное повествование, вместившее в себя без малого семь лет жизни Мирона, заняло около двух часов. Изредка его монолог прерывался моими уточняющими вопросами.

Сразу после окончания университета Мирон столкнулся с суровой действительностью: никому не нужны были экономисты и бухгалтеры без опыта работы. Те, кто хорошо умеет считать чужие деньги, высоко ценились в девяностые, но времена давно изменились. Мирон помыкался пару месяцев по беседам и впал в отчаяние. Его красный диплом, плод многолетней мышинной возни с оценками, оказался никчёмной картонкой. Однако больше всего Мирона огорчали вакансии с мизерной зарплатой. Мало того, что у него никак не получалось устроиться на работу, он просто не мог вообразить, как на обещанные деньги физически выживать. Не говоря уже о всяких излишествах – квартире, машине, семье. В итоге он решил «бросить экономику ко всем чертям» и обратился за помощью к отцу, военному пенсионеру. Глава семьи Шпилевых, хитрый бровастый бочонок, нашёл сыну доходное дело. Он пристроил Мирона менеджером по продажам в автосалон.

– Отрасль была на подъёме, – рассказывал Мирон. – Новенькие «немцы» разлетались как горячие пирожки, а клиенты выстраивались в очередь. К тому же я умею уговаривать, сам знаешь. Бонусы в несколько раз превышали оклад. Я чувствовал себя королём.

Оседлав стремительную волну продаж, Мирон через полгода отправился в отпуск в Испанию, потом окунулся в ночную жизнь в Таиланде, а Новый год встретил на кубинском пляже с бутылкой шампанского в руках. Через пару лет он купил приличный фольксваген. Успех настолько вскружил ему голову, что он подумывал запустить авторский тренинг «Искусство продаж». Но не судьба. Его мысли оказались заняты Викой, манерной блондинкой с миленьким личиком, которую он повстречал на одной из тусовок.

– Никогда не думал, что тоже увязну в этом романтическом болоте, – качал головой Мирон. – Стройная, гордая, эффектная, ещё и умная. Микробиолог, представляешь? И всё мне в ней нравилось. Недостатки казались милыми особенностями, даже её страсть к понтам. Я к женитьбе с детства относился с суеверным страхом, но тогда почему-то оглупел и осмелел. В общем, уже через полгода я сделал предложение. Подъехал к её дому, панельной девятиэтажке, верхом на белом коне, с букетом роз и кольцом в кармане. Каков debil, а?

– Где ты коня-то взял?

– Да есть одна компания...

Я не верил своим ушам. Нелегко было слышать о моральном падении кумира юности, но я старался не подавать виду и топил разочарование в пиве.

Влюблённые готовились к свадьбе по нынешним меркам недолго – всего пару месяцев. Невеста настолько понравилась его родителям, что даже мать, никогда не называвшая девушек Мирона по имени, а только – «эта» («эта звонила», «эта пришла»), отыскала в лексиконе приторное слово «Викуся». Вечно погружённый в себя отец говорил мало, но зато показывал сыну большой палец и одобрительно кивал, когда Вика проплывала мимо с гордо поднятой головой.

Свадьбу сыграли на широкую ногу: с лимузином, сотней гостей, дорогим рестораном, модным тамадой и прочими атрибутами богатого торжества. Родители с обеих сторон помогли деньгами, но Мирон всё равно умудрился влезть в долги, чтобы соблюсти все пожелания избранницы. Несмотря на то, что за месяц до свадьбы разразился очередной финансовый кризис, Мирон тратил деньги, не задумываясь о будущем. В свадебное путешествие чета Шпилевых отправилась в Венецию: пресловутые каналы, гондолы, паста, красное вино и, конечно же, россыпь фотографий в соцсетях. «Всё как у людей. Всё как положено», – сказал Мирон и поморщился.

Вернувшись в Волгоград, Мирон очнулся от сказочного сна и осознал, что автобизнес не просто заболел, а уже лежит под капельницей в реанимации. Поток денег от продаж сначала обмелел, а потом и вовсе пересох. Автоцентр пустовал,

а поиск клиентов приобрёл истерический, с нотками отчаяния, характер. Оказалось, что в кризис люди первым делом бегут в продуктовый магазин, а не за новым автомобилем.

Как и всякий молодой муж, начинённый, словно пирожок, стереотипами и наивностью, он ожидал от жены моральной поддержки в трудный момент. И действительно, несколько месяцев Вика машинально, словно виртуальный голосовой помощник, произносила заученные фразы из фильмов о победе над обстоятельствами. Но со временем даже сухое, формальное выражение сочувствия пропало. Чем меньше Мирон приносил денег в дом, тем холоднее и безучастнее становилась Вика. Пока Мирон насиловал свой мозг книгами по саморазвитию, тайному искусству продаж, НЛП, Вика устроилась в фармацевтическую компанию на должность с солидной зарплатой. Экономический кризис наглядно показал, что не только от еды никогда не откажется человек, как бы беден он ни был, но и от лекарств. Вскоре семью Шпилевых в большей степени обеспечивала жена, что Мирон воспринимал крайне болезненно.

Отчаянные попытки сменить работу или даже сферу деятельности ни к чему не приводили. Что бы ни предпринимал Мирон, ничего не получалось. Жена с каждым днём всё сильнее отдалялась. О времени, когда Вика наигранно поддерживала мужа, оставалось лишь ностальгировать.

– Когда-то мой телефон вскипал от её сообщений, но теперь всё изменилось, – говорил Мирон. – Вика часто за-

держивалась на работе, что, в общем-то, было объяснимо. Ещё и командировки одна за одной: конференции, тренинги и прочие междусобойчики. Похоже, что микробиологи только и делают, что повышают квалификацию. Я так понял, Валь, их работа – учиться. Но чем тяжелее Вика вкалывала, тем жизнерадостнее выглядела. Правда, ровно до того момента, как замечала меня... В общем, холодная она стала, высокомерная. Через губу не переплюнет.

По ходу рассказа Мирон несколько раз с отвращением передёрнул плечами. Видимо, даже воспоминание о бывшей жене вызывало в нём злую брезгливость.

– Вечерами ей постоянно кто-то писал, телефон без конца вибрировал. Вика говорила, что по работе, – Мирон закусил губу. – Я успокаивал себя тем, что, будь у неё кто-то на примете, Вика честно бы мне рассказала. В конце концов, детей мы не завели, поэтому никаких особых трудностей развод бы не доставил. Не имело никакого смысла меня обманывать. Во всяком случае, мне так казалось.

– Похоже, я догадываюсь, чем всё закончилось, – сказал я.

– Как-то утром, за завтраком, она объявила, что подаёт на развод. Притом сообщила новость между делом, поедая тосты с сыром. У меня рисовая каша встала комом в горле. По её словам, уже полтора года у неё был другой мужик – некий фармацевт Марк, коллега. Надёжный, предприимчивый и, в отличие от меня, перспективный, – он покачал головой. – Я тогда чудом сдержался, честное слово.

– Дела... – прохрипел я и кашлянул, чтобы подавить смущение.

– Представляешь, мы ещё не отметили первую годовщину свадьбы, а она уже с ним там, в лаборатории... развлекалась.

Мирон сжал кулаки и отвернулся в сторону. Клянусь, на секунду показалось, что его глаза увлажнились. Я сконфузился и не поверил своим близоруким глазам. Быть того не может, чтобы сам Мирон, мечта всех девчонок с факультета, дал слабину. И причиной послужила какая-то Вика, пусть даже и его жена. Творилось что-то немыслимое.

Опьяневший Мирон задумчиво смотрел куда-то вдаль, не произнося ни звука.

– Но теперь всё нормально. Я справился, – Мирон ответил на незаданный вопрос. – Бесит меня только одно. Зачем обманывать? Ну расстанься ты со мной – и вперёд.

– Порода такая.

– Да нет там никакой породы. Просто сука, – подытожил он и нахмурился.

Ближе к полуночи, изрядно пошатываясь, мы вышли из ресторана и направились на набережную подышать свежим воздухом. Конечно же, это всего лишь фигура речи, никакого свежего воздуха в августе в Волгограде не найти даже с наступлением темноты.

Мы брели по неровным асфальтовым дорожкам вдоль аллеи обрубленных тополей. Жёлтые фонари горели тускло и безрадостно. От скамеек, забитых тёмными силуэтами, до-

носился приторно-сладкий запах сигарет. По лицу стекал липкий пот, и я осторожно смахивал его ладонью и вытирал влажную руку о джинсы. От духоты и алкоголя волнами накатывала тошнота. Я чувствовал себя так, будто меня посадили в бочку и выбросили в открытое море. Сдерживая позывы к рвоте, я дышал носом и задираю голову вверх, неподвижным образом пытаюсь освежиться.

Всё чаще мы ловили на себе косые взгляды полицейских, патрулировавших набережную. Хотя шли мы в основном молча, наше состояние выдавала нетвёрдая походка. Пора было убираться восвояси, и Мирон вспомнил об уютном баре недалеко от центрального рынка, куда мы иногда заходили в студенческую пору. После двух литров пива и нескольких стопок травяного ликёра выпивать мне больше не хотелось, но перечить человеку, пережившему измену и развод, я не посмел.

Пока мы ковыляли по пустынной центральной улице, Мирон вернулся к главной теме вечера.

– В общем, такие дела, – сказал Мирон, проглатывая окончания слов. – В субботу у неё свадьба, в Питере. Надо нам успеть добраться туда и всё сделать.

– Не понял, – я икнул и наморщил лоб. – Почему в Питере?

– Она выходит за какого-то бородатого программиста. Такого, знаешь, пухлого хипстера. Вот он из Питера.

– А как же фармацевт?

– А, тот... – Мирон устало махнул рукой. – Это уже перевернутая страница её биографии. Нас, рогатых, много.

Я попробовал свистнуть, но вместо этого издал неопределённый жалобный стон.

«Почему Мирон делает вид, что я уже согласился участвовать в этой аванюре?» – думал я и прислушивался к тому, как гулко ухало сердце.

В тесном баре без вывески, где помещалась лишь стойка и винтажный музыкальный автомат, мы опрокинули по бокалу виски, отчего фоновый шум в ушах стал ещё громче. Мирон вяло пытался справиться с ярко подсвеченной машиной, но поставить «хорошую песню» не получилось. Мы вышли из бара и вскоре забрели в тёмный тихий дворик, заставленный автомобилями, где уселись на скрипучую карусель на детской площадке. Это последнее, что я помню о том дне...

Разбудил меня звук приближающегося поезда. Привычным движением я накрыл голову подушкой, но это не помогло. Мне всё-таки пришлось подняться и отключить сигнал будильника. Неведомым образом я, помятый и отёкший, оказался в своей комнате. Мне было паршиво: мучила жажда, голова превратилась в ненужный и адски тяжёлый аксессуар, а во рту, похоже, кто-то сдох. На полу, возле торшера, валялась моя вчерашняя одежда, на ногах чернели зловонные носки. Похоже, не хватило сил их снять.

Родители о чём-то разговаривали на кухне. Судя по аппе-

титному запаху, мать сварила кофе и приготовила гренки. Я постарался незаметно прошмыгнуть в ванную, но столкнулся в коридоре с отцом. Он обжёг меня недобрым взглядом.

– Богемно живёшь, сынок, – вздохнул отец. – Алкаш тот, кто после пьянки не идёт на работу. Помнишь об этом? Давай собирайся.

Желания спросить о том, как вчера я оказался дома, не возникло.

Приняв холодный душ, я немного взбодрился, но вдруг меня кольнула неприятная мысль. Я не мог вспомнить, чем закончился вчерашний вечер и, самое главное, согласился ли я на сумасшедшую просьбу Мирона испортить свадьбу бывшей жены. Тревожное предчувствие поселилось в груди. На полу я нашёл почти разряжённый телефон и прочёл сообщение от Мирона: «Спасибо, что согласился. Позвони, как оформишь отпуск. Я уже купил билеты на поезд, выезжаем сегодня в час ночи».

Злобно чертыхнувшись, я стиснул зубы и продолжил собираться на работу.

III

Во фронт-офис, непосредственную работу с клиентами, меня не взяли, потому что прочли на моём некрасивом лице презрение к людям. «Ты просто создан для бэк-офиса!» – воскликнула довольная Елена Евгеньевна и подписала заявление о приёме. Я сразу заподозрил, что имелось в виду что-то неприятное. Она, восторженная и злорадная, походила на охотника, услышавшего, как сработал капкан. В хитроумную ловушку попалась конторская крыса – терпеливая, усидчивая, способная месяцами пялиться в электронные таблицы, шелестеть справками, аккуратно подписывать папки с документами и не сойти с ума. Или даже свихнуться, но безвредно для окружающих, как-то тихо, по-семейному. Ко всему прочему, крыса попалась ответственная, что можно считать неслыханной удачей. В общем, Елена Евгеньевна, управляющая филиалом, чувствовала, что дополнила команду важным игроком, упорядочив хаос в банке с помощью предсказуемой очкастой функции. И по привычке тихонечко посмеивалась и облизывала пухлые губы, как делала всякий раз, когда получалось немного обдурить жизнь.

Моя предшественница, угловатая девушка с вечно запотевшими от усердия очками, пошла на повышение в корпоративной структуре. Она переместилась из конуры без окон на окраине города в центральный филиал и теперь делит

просторное помещение с тремя столь же невзрачными специалистками. «Крупный современный банк» выполнил повторяемое на каждой пьянке обещание о головокружительном карьерном росте. Возможно, мою кривоногую предшественницу уже подташнивало от скорости перемен.

В гордом одиночестве я уселся на продавленное кресло, протёр спиртом грязную клавиатуру и подхватил упавшее знамя отдела. Я считался единственным обитателем бэк-офиса, но в тишине не проводил ни минуты. Ко мне то и дело залетала одна из «львиц» с выпученными глазами и кое-как оформленными после удачно проведённой охоты документами. «Львицами» Елена Евгеньевна прозвала трёх проверенных сотрудниц, профессионально умевших развести клиента на банковские услуги. Согласно инструкции я должен был тщательно проверять документы, после чего ставить штамп и подпись. По факту же от меня требовалось как можно скорее и желательнее покорнее принять на себя ответственность за их дела, а иногда – делишки. Иными словами, прикрыть их задницы, старательно выпячиваемые перед индивидуальными предпринимателями.

«Львицы» из фронт-офиса готовы были выдать кредит кому угодно, ведь от этого зависел размер их бонусов. Я же, барахтаясь в постоянном цейтноте – «Валя, проверь быстрее, клиент ждёт!» – нередко согласовывал то, что следовало бы изучить внимательнее.

Временами я всё же отказывался уступать напору

«львиц». Тогда им на помощь выплывала из своего кабинета Елена Евгеньевна, для которой показатели продаж важнее всего на свете. В такие моменты я обычно сдавался, немного побурчав для вида.

«Валюш, ну ты чего такой бука?» – по привычке флиртowała Элиза, любовно поглядывая на меня, как на эсэмэску о зачислении премии на карту. За то, что я периодически закрывал глаза на должностную инструкцию, меня угощали тортом и гладили, как котика, сочувственными вопросами. Прекрасно понимая, что происходит, я поддавался чарам «львиц», от которых уже с утра несло мартины.

Высокие шпильки, яркий макияж и двусмысленные взгляды – всё это входило в их арсенал. Если попадался совсем уж деревянный клиент, то «львицы» намекали, что с радостью примут предложение совместно поужинать, чтобы «убедить в выгодности нашего предложения». Судя по тому, как охотно клиенты соглашались на бессмысленные и дорогие дополнительные условия, «львицы» в лице грудастой Даши, томной Элизы и сладкоголосой Ани не зря ели свой хлеб. Они мастерски давили на нужные рычаги, и мужики таяли, платили и не чувствовали себя обманутыми.

«Львицы» зарабатывали больше меня, но много денег вкладывали во внешность, постепенно теряя человеческий облик. Чего стоили только две широкие похожие на подковы загогулины, которые появились на лице Ани в том месте, где раньше были брови. Они не только мужиков должны были

привлекать, но и удачу.

Мною, «львицами» и сумасбродной Еленой Евгеньевной коллектив не ограничивался. На входе стояла девушка-администратор, с глазами, полными ужаса и экзистенциальной тоски от того, чем ей приходилось заниматься. Она улыбкой встречала клиента, выясняла цель визита и направляла в нужное окошко. Елена Евгеньевна, страстно любившая прозвища, нарекла её «терапевтом». Был ещё продажник Егор, здоровяк с лицом маньяка, патологически неспособный развести клиента, но зато легко внушавший страх. Когда попадался проблемный клиент и девочки, забегаая ко мне в каморку, визжали от ужаса, все дружно звали Егора. Чувство опасности рождалось в его присутствии само по себе, и затихал даже самый обалдевший от высокого статуса клиент. Нельзя не упомянуть и о двух «недольвицах». Продавать они не умели, тараторили без умолку о процентных ставках и рыночной ситуации, вместо того чтобы стрелять глазками и томно намекать на что-то приятное в будущем.

Для «львиц» я был всего лишь остроумным очкариком, почти подружкой. Заинтересоваться мной они в принципе не могли, потому что знали, сколько я зарабатываю. Зато «львицы» всегда давали повод для сарказма. Они заходили в бэк немного передохнуть, обсудить мужей, любовников и ухажёров. «Львицы» вели бесконечные, изматывающие женские разговоры. К концу первого года работы я узнал, что такое гиалуронка, сколько стоит «сделать себе

сиськи», как успешно бороться с мужским нежеланием дарить подарки, как принять выигрышную позу на фотографии, что такое кутикула, чем корейская косметика отличается от французской. Мой уровень тестостерона падал от одного звука их обманчиво-сладких голосов. Я чувствовал себя Маугли, воспитанным истеричными сотрудницами глянцевого журнала.

«Львицы» считались подругами, но, естественно, страшно ненавидели друг друга и за глаза часто сплетничали. Я никогда ничего не спрашивал, но был в курсе всех дрызг. На меня обрушилось знание о том, что Элиза недавно сделала аборт, потому что не была уверена, что зачала ребёнка от мужа, а её любовник, в отличие от супруга, обладал яркой восточной внешностью, и в итоге факт измены мог выйти наружу.

Аню регулярно поколачивал её парень, врач-онколог, питавший страсть к коньяку, цвету хаки и пьяным истерикам. Она старательно ретушировала синяки после всенародных праздников и слыла в этом деле экспертом. В январе её навыки традиционно подвергались серьёзной проверке, но с каждым годом Аня всё лучше справлялась с задачей. Не бросала она онколога потому, что «любит его, хоть и изменяет».

Достоинным предводителем «львиц» выступала Елена Евгеньевна. В свои сорок с хвостиком лет она пыталась выжать из неброской внешности максимум с помощью косметики и начальственной уверенности. То и дело она выкладывала в инстаграм селфи, где, ничуть не стесняясь, демонстриро-

вала гримасы усталого лица, отреставрированного дорогой оправой, утиными губами и слоем антивозрастной замазки.

Интересы Елены Евгеньевны ограничивались сферой материального. Процесс накопления, приобретения и разухабистого потребления захватывал её сознание целиком, отсекая всё лишнее. С годами она научилась целыми днями думать только о деньгах и не допускать посторонних мыслей. Безусловно, такая способность не могла быть врождённой, Елена Евгеньевна выпестовала её годами тренировок, надеясь стать бизнесвумен. Без отсылки к стоимости того или иного артефакта – будь то здание, картина, скульптура или предмет мебели – мышление её буксовало, глаза бессмысленно моргали, а из головы доносился скрип. Всё, что волей-неволей появлялось в её поле зрения, обязательно следовало оценить, а затем посетовать на нехватку денег. На художественной выставке она доводила персонал до истерики вопросами о стоимости каждого полотна, а о визите к врачу рассказывала держа в руке чек с перечнем процедур. На работе она часто любила спрашивать: «Сколько это будет стоить?», но нередко заигрывалась и попадала впросак.

– Елена Евгеньевна, можно переставить микроволновку на другой шкаф?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.